

последние икты, конечно, всегда ударны, зато часто безударны средние: «Неожиданный аквилон». Такие строки есть и в материале Тарлинской — «*And presently on the scene*», «*Gewaltige Melodei*» — но их меньше 5%, и она не выделяет их как отдельную ритмическую вариацию, может быть, напрасно.) Более того, материал Тарлинской, как кажется, позволяет говорить, что в последних строках стихотворений облегчение ритма особенно заметно: таким образом, закону «облегчения к концу» распространяется не только на стих и строфу, но и на целое стихотворение — интереснейший образец структурного изоморфизма. Этот закон можно в разных формах проследить и в других системах стихосложения: вероятно, его можно считать универсалией ритма.

Конечно, на фоне этой общей тенденции вырисовываются и более индивидуальные творческие случаи. Например, у Йейтса доля специфически дольниковых ритмических вариаций от ранних стихов к поздним падает почти вдвое: стих становится не более обособленным, а более расплывчатым. (Это хорошо укладывается в знаковую специалистам картину общей эволюции поэтики Йейтса.) А Бенн предпочитает не укорачивать, а удлинять последний интервал в строке — т. е. тоже как бы идет против течения. Чем лучше мы узнаем общие, суммарные характеристики стиха, тем лучше мы можем заменить и оценить конкретные художественные явления.

Но самая интересная часть исследования М. Тарлинской начинается там, где она переходит от ритмики дольника к семантике дольника. Семантика стихотворных размеров — область, которая начала изучаться лишь в последние 30 лет. В русской поэзии рассматривались обычно сравнительно редкие (и потому приметные) размеры, а в них — переключки мотивов и интонаций между отдельными стихотворениями. М. Тарлинская смело берется за самые, казалось бы, нейтральные, «всеядные» размеры и обследует их лексический состав по рубрикам тезауруса. В книге пересказываются результаты некоторых ее прежних работ (совместно с Н. Оганесовой). Они на редкость выразительны. Например, такая тема, как «Бог», в таких массовых размерах, как английский 4-стопный ямба и 4-стопный хорей, выглядит очень по-разному. Там (в ямбе) она абстрактней, здесь конкретней; там статичней, здесь динамичней; там бог — только христианский, здесь — также и языческий; там настроение — блаженный экстаз, здесь — радость и веселье (а иногда и тревога); там звучит музыка,

здесь — речь; там преобладает лазурный цвет, здесь — белый. Все это выявлено на обширных подсчетах по английской классической поэзии XVIII — XIX вв. В том же направлении следует автор и в новой своей работе.

Конечно, логически разложить весь поэтический мир по полочкам тезауруса — дело невозможное. Опись тематики английского дольника выглядит очень пестро: «лирические раздумья», «любовь», «история», «чудесное», «простонародное», «война», «море», «сатира» и «юмор», «детство», «быстрота (переменчивость, бег времени)». Для недовольных в конце приводятся перечни стихотворений, зачисленных в каждую рубрику: желающие могут перегруппировать их по своему усмотрению. Но и такая семантическая картина оказывается убедительна тем, что отлично вписывается в то, что мы знаем об истории английского дольника. Самый близкий к народным истокам размер — 4—3-иктный дольник; самый далекий, самый книжный — чистый 3-иктный дольник. И вот, тематический пучок, характерный для народных баллад, «история — чудесное простонародное», встречается в 4—3-иктном дольнике втрое чаще, чем в 3-иктном, а тематический пучок «лирические раздумья — быстротечность времени» встречается в 3-иктном дольнике вшестеро чаще, чем в 4—3-иктном.

Чтобы оценить эти показатели, автор выходит за пределы дольника и привлекает для сравнения весь основной метрический репертуар четырех поэтов — Саути, Мура, Теннисона и Фроста (свыше 1000 стихотворений). Пестрая тематическая разбивка для этого несколько упрощается (не становясь, впрочем, логичнее): «лирические раздумья», «любовь», «история», «чудесное», «простонародное», «сатира и юмор», «послания», «прочее». Оказывается, тематические предпочтения всех основных (представленных статистически значимо) стихотворных размеров тоже не случайны. 5-стопный ямба на 43% занят лирическими раздумьями (кроме любви). В 4-стопном ямбе целых 41% — любовь. В 4—3-стопном ямбе тоже 41% — любовь и к этому 33% — лирические раздумья. В 4-стопном хорее целых 62% — любовь. В 4-стопных трехсложниках 32% — сатира и юмор. В 4-иктном дольнике 34% — «история» и «чудесное», и к этому 28,5% — лирические раздумья. Разумеется, подсчеты эти еще достаточно грубы: стихотворение, в котором присутствуют и любовь, и раздумья, и чудесное, зачисляется лишь в одну из этих рубрик (по доле слов, относящихся к этому семантическому гнезду). Разумеется, подсчеты эти на первый взгляд могут